

Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ МНОГОЯЗЫЧНЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ МИГРАНТОВ КАК БАРЬЕР ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТИ¹

Основная цель статьи — вскрытие и анализ языковых идеологий, лежащих в основе многоязычных практик нерусских мигрантов первого поколения из бывшего Советского Союза в свете теории транслингвальности. В статье использованы данные, собранные авторами в ходе трехмесячного этнографически-ориентированного полевого исследования в странах Западной Европы (углубленные полуструктурированные интервью и включенное наблюдение), дополненные социолингвистическим анализом неформального онлайн-общения. Было обнаружено, что в целом для большинства хорошо образованных постсоветских мигрантов переходные, «текучие» транслингвальные практики нехарактерны, несмотря на присутствие этнических языков (Я1), русского (Я2) и иностранных языков (Я3-п) в их языковом репертуаре. Вместо этого мы наблюдаем преимущественно русскоязычное нормативное речевое поведение, отсутствие желания пересекать языковые границы и создавать гибридные лингвистические формы, по крайней мере между Я1 и Я2. Причины этого видятся авторами в советской языковой политике, продуктами которой являются выходцы из СССР, «экспортирующие» сформировавшиеся в родной стране взаимоотношения между русским и этническими языками. В статье рассмотрены некоторые из языковых идеологий и привычек, служащих барьером транслингвальности, а именно идеологии языкового пуризма и (русского) монолингвизма, а также приверженность к «стандартной языковой культуре». Уровень образования также связан с «чистым» говорением на русском — более престижном и более привычном языке, в котором опрошенные обладают наибольшей языковой компетенцией. В целом авторы приходят к выводу о том, что описанное в статье речевое поведение данной полиэтничной и многоязычной группы мигрантов является следствием габитуса — глубоко затаенных, неосознаваемых, «впечатанных» лингвокультурных привычек, унаследованных из советского опыта жизни и воспроизводящихся в жизненных практиках и за рубежом.

Ключевые слова: *транслингвальность, языковые идеологии, переключение кодов, многоязычные постсоветские мигранты, языковой пуризм, одноязычная идеология, стандартная языковая культура.*

1. Введение

Данная статья является продолжением исследования многоязычных стратегий и практик полиэтничной группы мигрантов из бывшего СССР в свете концепции транслингвальности, которая обозначает «способность многоязычных говорящих переключаться между языками, рассматривая различные языки, которые формируют их репертуар, как интегрированную систему» (Canagarajah, 2011: 401) и приобретает все большую популярность в современных исследованиях многоязычия и языковых контактов. Сама постановка проблемы проистекает из наблюдений, сделанных во время полевого исследования, проведенного авторами в 2016 г. в рамках проекта «Язык и этническая идентичность нерусских иммигрантов из бывшего Советского Союза в странах Западной Европы». Целью проекта было изучение процессов (само)определения, (ре)конструкции и трансформации этнической идентичности и ее связи с языком и культурой у нерусских мигрантов из бывшего СССР (см. об этом Хилханова, Хилханов, 2021). Специфика этой группы определяется тем, что они, с одной стороны, объединены общей историей, (советской) культурой и (русским) языком, с другой стороны,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 НИИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

имеют разную этническую принадлежность и культуру. С лингвистической точки зрения каждая этническая группа многоязычна и имеет в своем языковом репертуаре как минимум три языка: этнический язык (Я1) (у некоторых только на символическом уровне), русский язык (Я2) и язык/языки принимающей страны (Я3-п).

В задачи проекта изначально не входило изучение транслингвальности, однако во время полевого исследования было заметно почти полное отсутствие переключения между языками и творческого обращения с ними. Этот факт особенно бросается в глаза на фоне довольно частотных транслингвальных стратегий и практик мигрантов в разных регионах мира (Lee, 2014; Wei, 2018; Pennycook, 2008). Знакомство с работами в этой области оставляет впечатление, что транслингвальность — неотъемлемое свойство усиливающихся миграционных потоков в эпоху, которую Ли Вей называет эрой пост-мультилингвизма (Wei, 2018: 15), а многоязычное творчество, свободное обращение с границами языков, которые объявляются (политически, исторически, идеологически и пр.) сконструированными — это сегодня доминирующая практика многоязычных говорящих. Это, с одной стороны, так, и теория транслингвальности действительно отражает современные мировые тренды. Тем не менее, сами лингвистические реалии гораздо многообразнее и не все вписываются в данную теорию. Например, языковые практики мигрантов из бывшего Советского Союза демонстрируют другой тренд, в котором не обнаруживается стремление к смешению языков, показывая тем самым, что люди могут подсознательно руководствоваться другими языковыми идеологиями и привычками.

В свете вышесказанного данная статья преследует цель выявления причин, лежащих в основе речевых практик многоязычных нерусских мигрантов первого поколения из стран бывшего Советского Союза. Эмпирический анализ и типологизация многоязычных практик постсоветских мигрантов был проведен в работе (Khilkhanova, 2021); в настоящей же статье наше внимание обращено на языковые идеологии, усвоенные в период первичной социализации и продолжающие в определенной степени руководить речевым поведением мигрантов, аккультурация которых проходила в бывшем Советском Союзе.

2. Теории транслингвальности и языковые идеологии

Языковые идеологии — системы убеждений, установок и идей, которые носители имеют о языке / языках и их связи с социальными ценностями (Woolard, 2003; Kroskrity, 2000: 5). Они также определяются как «культурные представления о природе, форме и назначении языка, а также о коммуникативном поведении как воплощении коллективного порядка» (Gal and Woolard, 1995: 30). Считается, что языковые идеологии тесно связаны с транслингвальностью, т. к. именно они являются движущей силой и источником лингвистической вариативности и создания новых гибридных «языков» людьми, находящимися на границе двух или более «миров». Поэтому транслингвальные стратегии так распространены в миграционной среде.

Действительно, теория транслингвальности, берущая свое начало в рамках педагогики, давно уже вышла за ее рамки и активно используется в современных исследованиях многоязычия и языковых контактов. Сегодня уже говорится о том, что следует различать транслингвальность в педагогическом контексте и спонтанные случаи транслингвальности, которые относятся к сложным дискурсивным практикам билингвов (см. García, 2009). Транслингвальность означает проницаемость языков, их взаимовлияние, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры (Прошина, 2017: 160). Транслингвальная область характеризуется языковой размытостью, текучестью (*linguistic fluidity*) (Lee, 2014). Переключение и смешение кодов рассматриваются как одни из транслингвальных стратегий (Pennycook, 2008: 30.4). Тем не менее, транслингвальность следует отличать от переключе-

ния и смешения кодов². Разница заключается в подходе к этим явлениям: термины «смешение и переключение кодов» основываются на видении языков как отдельных систем. Соответственно, речь, где происходит смешение и переключение кодов, оценивается скорее как дефектная речь, поскольку причины этих явлений видятся в недостаточной языковой компетенции говорящего на каком-либо из используемых языков или даже на обоих. На этом основываются обозначения такой смешанной речи, как «макароническая» (Бертагаев, 1969: 127), «метисский язык». За данными эпитетами явно видится пуристический подход к языку. Подход же к транслингвальности принципиально другой, явно позитивный: транслингвальность имеет «ярко выраженный деятельностный и речетворческий характер, представляя собой новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование всех имеющихся в распоряжении билингва языковых ресурсов. Дополнительные возможности для речетворческой деятельности билингвов возникают именно в “неопределенной зоне” на границе языков» (Прошина, 2017: 161).

Поскольку, говоря о транслингвальности, мы говорим в первую очередь об индивидуальном дву- и многоязычии³, взгляд на то, что побуждает людей переключать и смешивать коды, проливает дополнительный свет на механизм транслингвальности. Факторы, которые ведут к ПК в каждом конкретном случае, можно разделить на три группы: 1) *внешние факторы*, т. е. независимые от говорящего (такие, как история, политика или демография); 2) *внутренние факторы*, т. е. привязанные к говорящему, как к личности, так и к члену группы (психолингвистические, прагматические, чувство этнической идентичности); 3) *лингвистические факторы* (такие, как отсутствие концепта на Я1, недостаточная языковая компетенция носителей Я1). С точки зрения нашей схемы транслингвальность — это переключение кодов, мотивированное внутренними, а не внешними или лингвистическими факторами. Только бессознательные или, наоборот, сознательные, целенаправленные случаи ПК, движимые изнутри, могут считаться действительно транслингвальными стратегиями. Первые ценны для (социо)лингвиста тем, что «автоматические» ПК, когда говорящий хотел бы, но не может говорить, не переключая кода, или когда смешанный код стал для него (или всего языкового сообщества) своеобразной нормой — это истинный показатель реальных процессов, протекающих в контактирующих языках. Автоматические вкрапления или переходы на другой язык могут быть вызваны психолингвистическими факторами, такими как (i) недостаточная языковая компетенция в Я1 в сочетании с более высокой языковой компетенцией на Я2; (ii) привычка говорения на одном из языков из двуязычного репертуара (стереотип речевого поведения); (iii) языковая экономия или экономия речевых усилий. И наоборот, сознательное, целенаправленное ПК обнаруживает различные интенции говорящих: например, транслингвальная стратегия смешения языков выбирается сознательно — как особый сленг — для конструирования своей групповой идентичности, в которую входит и этничность (Moustaoui, Prego, Zas, 2019; Кирилина, 2011).

² Термин *переключение кодов* используется здесь как термин с более широким значением, включающий в себя смешение кодов (см. также: Myers-Scotton, 1993, 1; Gumperz, 1982, 59). Предпочтение одного термина обусловлено также и соображениями краткости и удобства. При этом мы понимаем под смешением кодов процесс использования в речи двух (и более) кодов (языков), приобретший более или менее регулярную форму и зашедший дальше, чем просто переключение кодов. Но самым главным дифференцирующим критерием является структурно-грамматический: если не нарушены морфосинтаксические правила обоих языков — это переключение кодов (далее — ПК). Если лексемы приобретают морфологические показатели другого языка — это смешение кодов (далее — СК). Другими словами, пока сохраняется морфосинтаксическая основа того или иного кода, то мы можем говорить о ПК. Если нет — о СК.

³ Хотя, как справедливо отмечает Дж. МакСвон, язык является продуктом сообщества носителей языка, совокупностью накладывающихся друг на друга индивидуальных языков (MacSwan, 2017: 174).

3. Методология исследования

Материалом данного исследования послужили 26 интервью, записанных в ходе полевого исследования в 2016 г. в западноевропейских странах, преимущественно в Германии и Франции. С этнической точки зрения пул информантов включал бурят, якутов и казахов из двух стран — России и Казахстана. Важной характеристикой группы являлся уровень образования: почти все интервьюируемые имели высшее образование (24 человека), семеро из них — степени кандидата наук и PhD, а два человека закончили средние профессиональные учебные заведения. Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии бурятских, казахских и якутских мигрантов определяются принадлежностью к этой категории мигрантов и, скорее всего, не могут быть экстраполированы на другие группы, например, неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию.

С точки зрения языковой компетенции в Я1, Я2 и Я3-п участники полевого исследования представляли собой разнородную группу. Общим было то, что все мигранты свободно владели русским языком и обладали высокой языковой компетенцией в иностранных языках (в основном в английском) и знали о свободном владении интервьюером английским и немецким языками. Поэтому возможность коммуникативной практики, которая «размывает или прорывает видимые границы» (Blackledge, Creese, 2016: 2) между русским и иностранным языками теоретически оставалась открытой.

Тем не менее, по данным интервью и этнографического наблюдения, говорящие оставались в основном в рамках одноязычного (русскоязычного) дискурса; случаев транслингвальности было зафиксировано мало. Хотя было доказано, что интервью вполне могут быть местом для проявления свободного обращения с языками и языкового творчества⁴, возможность методической погрешности, обусловленной тем, что основным языком интервью был русский, оставалась. Выбор языка интервью был обусловлен языковой компетенцией участников: семь бурятских информантов не знали бурятского языка, а интервьюер не владел казахским и якутским языками, что исключало возможность казахско-русских и якутско-русских транслингвальных переключений (не исключено, что при внутригрупповом общении такое переключение происходило)⁵. Помимо этого, несмотря на то, что интервью проходили в непринужденной атмосфере и были приближены к естественной беседе, когда не только интервьюер, но и интервьюируемый мог задавать вопросы и свободно развивать ход своей мысли, они по определению не могут быть полностью свободным говорением. При этом известно, что транслингвальность — явление, присущее в первую очередь спонтанной речи, т. к. именно в спонтанной речи креативность многоязычных говорящих может проявить себя в полной мере (см. также García, 2009).

Поэтому впоследствии изучение транслингвальности было продолжено на другом материале — данных, полученных из анализа неформального письменного общения постсоветских мигрантов в социальных сетях. Социальные сети, такие как Facebook, являются популярным объектом исследования транслингвальных практик (Halim, Maros, 2014), т. к. представляют собой «новое, делокализованное, мультимодальное пространство, расположенное на границе между устной и письменной речью, в котором спонтанно возникают транслингвальные практики» (Moustaoui, Prego, Zas 2019: 3).

⁴ См. интервью в книге Э. Гучиновой, где калмыцкие мигранты второй волны российской эмиграции свободно смешивают калмыцкий, русский и английский языки (Гучинова, 2004).

⁵ Языковая компетенция в Я1, Я2 и Я3 определялась на основании ответов интервьюируемых (self-reports). Со стороны интервьюера, свободно владевшего бурятским языком, были попытки вести разговор на нем с бурятскими информантами, но большинство из них не могло поддерживать на нем более или менее продолжительную беседу. Предпочтение русского языка как языка коммуникации формулировалось, например, как «у меня не так хорошо, как у вас» (В., ж., 32 года, Германия).

Объектом исследования стали семь групп из социальных сетей в Facebook и Instagram. В целом, были проанализированы речевые практики следующих интернет-сообществ: «Kalmyks in USA / Калмыки в США», которая объединяет 3 000 членов, sakhadiaspora.official в Instagram с 2 695 подписчиками и сообщество 'Sakha Diaspora' в Facebook (171 последователь), «Tatars in USA» (973 члена) и три бурятские группы в Facebook ('Vstrechi v Evrope', 'Buryat House, USA' и 'Buryat connection UK' с 1 600 членами в совокупности). Все социальные сети были рассмотрены за период с 2016 г. по июнь 2021 г., за исключением страницы Sakha Diaspora в Facebook, которая была создана 11 декабря 2020 г., и группы «Tatars in USA», речевые практики которой анализируются за 5 месяцев (с сентября 2021 г. до февраля 2022 г.) ввиду большого количества постов.⁶ Заметим, что при анализе учитывались только посты, созданные самими участниками; перепосты видео, публикаций других авторов, материалов СМИ не учитывались ввиду того, что они не отражают напрямую языковые практики самих участников данных групп. Конечно, перепосты косвенно отражают языковые компетенции и предпочтения тех, кто их размещает у себя на «стене». Например, размещение ссылки на видео на татарском языке может свидетельствовать о владении данным интернет-пользователем татарским языком, но это может быть и пассивное владение, не отражающее способность автора поста к речепроизводству на Я1.

Объем языкового материала составил 101 случай ПК и СК при устном говорении (интервью), что немного, учитывая, что продолжительность интервью составляла в среднем один час. При этом собственно речевые, т. е. протяженные фрагменты на другом языке составляют не больше половины зафиксированных нами случаев ПК и СК; половину представляли собой *вкрапления* Я1 и Я3-н на уровне отдельных лексем в преимущественно русскоязычный дискурс. Мы интерпретируем вкрапления как частные случаи ПК (см. об этом также: Майерс-Скоттон, 1993: 163).

4. Транслингвальные практики и языковые идеологии постсоветских нерусских мигрантов

Анализ собранного материала — записей как устной речи в интервью, так и неформального письменного общения в социальных сетях — показывает, что транслингвальные переходы и творческое обращение со всеми языками коммуникативного репертуара мигрантов в целом немногочисленны, особенно при устном общении. В спонтанном онлайн-общении мигрантов из бывшего СССР присутствует больше транслингвальных практик и языковой игры. Тем не менее, и в социальных сетях язык коммуникации в основном русский. Также видно, что частота использования Я1 в социальных сетях вариативна: в татарских и якутских группах этнические языки используются шире, чем в социальных сетях калмыцких и бурятских мигрантов. Это отражает степень сохранности и частоту использования данных языков и в России: языки, благополучные оффлайн, широко используются и онлайн, в том числе и в социальных сетях. Это свидетельствует о том, что интернет не создает новую реальность, он лишь отражает сложившуюся в стране ситуацию с теми или иными языками (подробнее см. об этом: Хилханова, 2019).

⁶ Обращение к виртуальной этнографии накладывает дополнительные этические соображения, хотя большая часть интернет-коммуникации считается публичной ввиду бесплатности и общедоступности. Как и в других исследованиях, в которых использовались данные из социальных сетей (Клишнікова 2016), наш подход также заключался в том, чтобы избегать использования любых материалов, к которым нельзя было получить свободный доступ без специального разрешения авторов. Тем не менее, цитируемые авторы обозначены только инициалами с указанием названия группы и даты поста. Орфография и пунктуация даны без изменений. В примерах из интервью у информантов указывается возраст, пол и страна проживания.

Выявленные ПК и СК можно сгруппировать по следующим категориям (ввиду ограниченности формата статьи приводится по одному-два примера для каждой категории)⁷:

- безэквивалентная лексика (при описании культурно-специфических реалий) или слова, которым говорящий не смог сразу найти переводческий эквивалент или не захотел тратить речевые усилия на это: «А самое-то интересное было, что дети иногда приезжали, и заходили вот так за порог, да, и мы, значит, с ними здороваемся, я в бурятском всегда была, *буряад дэгэлтэй, гутал*⁸, *малгайгаа хуу үмдөөд*» («в бурятском дэгэле, обувь, шапку, всё надев»)⁹ (Д., ж., 56 лет, Германия);
- клишированные этикетные формулы (например, приветствия): «*Хальмгуд, мөндүт!*» («Здравствуйте, калмыки!») кто в США, добавляйтесь! Давайте общаться» (А., «Kalmyks in USA / Калмыки в США», 20.03.2019);
- передача чужой речи: «Они говорят: *Sie sind doch hier geboren* («они же здесь родились»), то есть они себя чувствуют себя как дома» (С., ж., 25 лет, Нидерланды);
- тема коммуникации: «*Могу буряадар дуугарха*» («разговаривать по-бурятски») (Р., ж., 48 лет, Германия);
- внешне немотивированные интрасентенциальные ПК: Какие *desired outcomes?* («ожидаемые результаты?») (Д., ж., 32 года, Швейцария);
- внешне немотивированные интерсентенциальные ПК: «*Бий, матурлар инды!!!* («Ой, такие красивые!») Татары — вперед! Вот так надо показывать то, что мы, татары, прекрасный народ, а не руганью с другими. *Болаларым* («дети наши»), молиться будем за вас» (З., «Tatars in USA», 07.01.2022);
- языковое творчество, языковая игра: «*Мин сине яратам* («я тебя люблю») а приходи к воротам» (С., «Tatars in USA», 22.10.2021). (Больше примеров ПК и СК в речи мигрантов см. в: Khilkhanova, 2021).

Согласно нашему подходу, о котором говорилось в разделе 2, ПК и СК происходят под действием внешних, внутренних и собственно лингвистических факторов. Использование другого языка для обозначения реалий соответствующей культуры, клишированные этикетные формулы, цитирования и тема коммуникации являются хорошо известными и частотными лингвистическими факторами ПК (подробнее об этом см.: Хилханова, 2009). Переключения между языками, вызванные чисто лингвистическими причинами (напр., вкрапления безэквивалентной лексики) или недостаточной языковой компетенцией в Я1 (напр., приветствия на Я1 в речи на Я2), т. е. дефицитом языковых ресурсов, являются ПК, но не *транслингвальностью*.

Как уже говорилось, только немотивированные, бессознательные или, наоборот, сознательные, целенаправленные случаи ПК могут, на наш взгляд, считаться подлинно транслингвальными стратегиями. Вот пример «автоматического», бессознательного ПК: «Тут можешь сесть в ресторан **рандомно** и у тебя за соседним столом будут сидеть русские, в пабе будут русские, то есть чувствовать *homesick* — нету здесь». (К., 28, Великобритания). В этой фразе английское вкрапление *homesick* представляет собой форму без аффикса матричного языка — *bare form* (Myers-Scotton 2006). Среди зафиксированных случаев ПК *bare forms* («голые формы») используются гораздо чаще, чем слова типа «рандомно», где английская корневая морфема снабжается аффиксом матричного языка — русским наречным суффиксом -о. Использование «голых форм», не нарушающих грамматику кодовых переключений, норматив-

⁷ Условные обозначения в языковых примерах: курсив — этнический язык (Я1), стандартный шрифт — русский язык (Я2), подчеркивание — английский, немецкий языки (Я3-п), жирный шрифт — транслингвальные формы.

⁸ Дэгэл — бурятский национальный костюм, по крою напоминающий халат; гутал — бурятская национальная обувь с загнутыми вверх носками (примеч. Э. Хилхановой).

⁹ Здесь и далее переводы с Я1 и Я3-п Хилхановой Э. В.

ность и «чистоту» матричного (русского) языка примечательно в контексте нашего исследования (подробнее см. об этом далее).

Сознательное, игровое ПК представляет собой фраза из бурятских социальных сетей «А ты **хамагуист?** :)», где обыгрывается популярное бурятское выражение “хама үгы” ‘все равно, без разницы’. Присоединение продуктивного русского суффикса -ист образует транслингвальный окказионализм со значением ‘человек, которому все равно’. Морфосинтаксическую основу фразы «А ты **хамагуист?**» предоставляет русский язык, являясь, как и в предыдущем примере, матричным языком. Приведенный выше пример «*Мин сине яратам* а приходи к воротам» также представляет собой языковое творчество с интерсентенциальным ПК, где фраза на татарском языке рифмуется с фразой на русском и является частью частушки «*Мин сине яратам, приходи к воротам. Не придешь к воротам — все равно яратам*».

В целом, наши данные подтвердили, что для мигрантов первого поколения из бывшего Советского Союза русский язык играет роль коллективного объединителя иммигрантского сообщества, и его прагматическая ценность аналогична той, которой он обладал в СССР. Несмотря на гетерогенность речевых практик и языковых компетенций изученной группы мигрантов, большинство, однако, демонстрирует «чистую», грамматически правильную и несмешанную русскую речь и остается в преимущественно молингвальном русскоязычном модусе как онлайн, так и офлайн даже в «этнических» социальных сетях и при общении с соотечественниками той же этничности. Мы полагаем, что это обусловлено во многом языковыми идеологиями, о которых и пойдет речь далее.

Языковые идеологии как любые ментальные образования представляют собой сложность для исследователя ввиду их неявной представленности в речи и неосознаваемости для самих участников. Например, в следующем фрагменте интервью информантка говорит о своем переключении кодов между русским и немецким языками и оценивает свое ПК как недостаток: «А в целом если брать, я чувствую себя свободнее, когда на русском, потому что я лучше могу сформулировать свои фразы и выразиться точнее. То, что переключаюсь — это печально» (Е., ж., 26 лет, Германия).

Нам представляется, что в этой оценке манифестировано разделяемое многими россиянами нормативное представление о чистоте языка. Пуризм и прескриптивные языковые идеологии очень характерны для языковой культуры российского общества. Как пишет К. Пишлөгер, «Хотя языковой пуризм или “прескриптивизм” не ограничивается Россией, Россия принадлежит к “стандартной языковой культуре” [...], в которой [...] существует мнение, что одна разновидность языка имеет изначально более высокую ценность, чем другие, и что это должно быть навязано всему речевому сообществу [...]. Такая позиция особенно верна в отношении русского языка, но эти идеи и стандарты переносятся филологами и носителями удмуртского и других миноритарных языков в России на их родной язык (языки)» (Pischlöger, 2016: 112). К. Пишлөгер также пишет о том, что эти прескриптивные и пуристические установки обусловили почти исключительный научный интерес к стандартизованному современному литературному языку (Pischlöger, 2016: 114). Добавим, что в советское время научного интереса удостоивались только «высокие» сферы, такие как язык художественной литературы, а «низкие» сферы, такие как язык «желтой» прессы, разговорный язык, обценная лексика и т. п., стали объектами лингвистических исследований начиная только с последних десятилетий XX века.

Во многом такие нормативные языковые установки берут свое начало в российской школе, где доминирует нормативный аспект языка, модус долженствования, предписания, а также «орфографоцентризм» — важнейшая черта российского лингвистического мышления (Голев, 2002). «Стремление к ‘воздержанию от ошибок’, доведенное у нас до какого-то абсолюта, становится тормозом развития речи, должного приводить к свободному, творческому выражению мысли (достаточно вспомнить советы опытных учителей и репетиторов своим

подопечным — избегать фраз, в безошибочном написании которых они не уверены» (Голев, 2002: 190).

Поэтому не удивительно, пожалуй, что транслингвальная свобода, творческое обращение с языками, по определению нарушающее их правильность и «чистоту», не распространено в массовом языковом сознании советских и постсоветских граждан. Конечно, это утверждение не абсолютно, и лингвокреативное обращение с русским языком — частое явление как среди профессионалов, так и людей, чья работа не связана с языками. Однако для очень большого количества людей, особенно образованных, правильность абсолютизируется, догматизируется, сакрализуется (Голев, 2002: 184). Этим объясняются и многочисленные дебаты о «порче» русского языка под влиянием английского, которые также свидетельствуют о том, что языковой пуризм является одной из распространенных языковых идеологий в России.

Схожие результаты были получены в исследовании П. Ключниковой (2016), объектом изучения которой стали русскоговорящие мигранты на северо-западе Англии. Автор пишет, что, несмотря на ее первоначальные предположения, в ходе полевой работе она обнаружила очень мало свидетельств каких-либо «людических» инициатив среди исследуемой группы, по крайней мере, с использованием лингвистических ресурсов английского и русского языков. Ключникова объясняет редкость случаев языковой игры среди русскоязычных мигрантов несколькими причинами, включая их малочисленность, нерегулярные контакты и общую неподготовленность к творческим экспериментам. Однако в качестве одного из краеугольных камней поддержания таких языковых практик автор называет набор установок по отношению к языку (языкам) и нормативное языковое поведение самих двуязычных носителей (Kliuchnikova, 2016: 277). Наиболее влиятельной языковой установкой, по мнению Ключниковой, является восхищение носителей русского языка высокостандартизированной, «классической» литературной нормой русского языка, которая доминирует над любым стремлением исследовать двуязычные границы. Чувство принадлежности к «русскоязычному континууму» благодаря общим нормам и практикам оставляет мало места для двуязычных маневров на периферии. Редкие контрпримеры иллюстрируют эту точку зрения, создавая слабый контраст с более широкой творческой пассивностью и инертностью (там же: 271).

Первое поколение мигрантов, родившихся и выросших в Советском Союзе и прошедших через унифицированную русскоязычную систему образования и культурно-языковую ассимиляцию, несет в себе и воспроизводит в своих жизненных практиках статус русского языка и культуры в СССР. Очень во многом эти практики подпадают под определение габитуса, в частности в том, что они не только объективно гомогенизированы (в плане всеобщей унификации государственной идеологии и языковой политики в советское время), но и представляют собой субъективно интериоризованную систему структур, общих схем восприятия, представления и действия (Бурдые, 1998). Как и подобает габитусу, он самовоспроизводится во всем, включая и воспитание детей. Вот, например, отрывок из интервью одной из бурятских информанток: «В Голландии, в Бельгии много живут. Это в основном буряточки, которые вышли замуж именно здесь, за европейцев. А мы-то с Х (называет имя мужа — Э. Х.) оба приехали из России. <...> У них-то проблема еще сложнее была привлечь детей к бурятской культуре. *К русской хотя бы культуре, не говоря там о бурятской* (выделено мною — Э. Х.). <...> Дети до сих пор в обиде, что я их не обучила <бурятскому языку>. Я говорю: *вы бы хоть рады были тому, что русский знаете и читаете* (выделено мною — Э. Х.), потому что многие дети, которые приехали в этом возрасте в Германию среди русских немцев и русских евреев, они ни читать, ни писать не умеют, потому что сразу пошли в немецкую школу, и всё. *Это потому что мы родители академики¹⁰, мы их обучили сами. Но и конечно роди-*

¹⁰ Слово «академик» представляет собой транслитерированную немецкую лексему *Akademiker*, имеющую значение «человек с высшим (университетским) образованием».

тели мужа (выделено мною — Э. Х.), потому что у них библиотека была, папа читал, в «Что? Где? Когда?» он все ответы давал, всегда выигрывал, и для них это была просто трагедия, что мы уехали. <...> Но Пушкина они любят. И Пушкина, потому что деда нам давал несколько томов сразу, да, на каникулы приедете, я буду им читать. Или вы не уедете, я их не отпущу в Германию. Поэтому это задание было именно родителям, чтобы именно их учить русскому языку» (Д., ж., 56 лет, Германия).

В этом отрывке прямо или косвенно отражен ряд представлений об эритажном языке и культуре, довольно типичных для хорошо образованных постсоветских мигрантов. Мы наблюдаем здесь и пиетет перед русской (классической) литературой и культурой, и осознание ее ценности и необходимости дальнейшей передачи, и знакомый каждому советскому человеку культ Пушкина¹¹. Упомянутая здесь трудность передачи этнической культуры и языка (в данном случае бурятского) также обусловлена габитусом в том плане, что привычные жизненные практики еще в родной стране протекали в русскоязычном пространстве, а габитус «как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса и только им» (Бурдые, 1998: 46–47).

5. Результаты и обсуждение

В данном исследовании были рассмотрены речевые практики хорошо образованной полиэтнической и многоязычной группы мигрантов из бывшего СССР в Западной Европе с точки зрения транслингвальнойности. Анализ интервью, данных этнографического наблюдения и языка мигрантских социальных сетей выявил мало транслингвальных стратегий и практик; фактически вместо транслингвальнойности был сделан как осознанный, так и неосознанный выбор в пользу русского языка. Тому, конечно, много причин: внешних, внутренних и собственно лингвистических. Среди внешних можно назвать малую численность, нерегулярные контакты и рассредоточенное проживание русскоязычных мигрантов, включая бурят, казахов и якутов. Лингвистические причины, в первую очередь недостаточная языковая компетенция в Я1, также важны. Но наряду с ними, основной причиной замены транслингвальнойности языковой ассимиляцией является то, что мигранты первого поколения из стран бывшего СССР — продукты советской языковой политики. Поэтому они, помимо «экспорта» своего лингвистического репертуара, экспортируют и сформировавшиеся в родной стране взаимоотношения между Я1 и Я2. Как и в стране исхода, так и за рубежом Я2 удовлетворяет потребность во взаимопонимании, являясь «языком межнационального общения» полиэтнической группы мигрантов из бывшего СССР. Другими словами, в плане языка «всё уже случилось» еще в родной стране, и для первого поколения мигрантов мало что изменилось и за рубежом. Тем не менее, некоторые изменения в плане освобождения от языковых предрассудков, гордости за свой этнический язык и культуру и усиление интереса к ним, желание «вернуть» себе Я1 отмечаются многими информантами; некоторыми предпринимаются и действия по освоению Я1.

Распространенность в массовом сознании советских людей и нынешних россиян идеологии языкового пуризма и «идеологии одноязычия», т. е. русского монолингвизма, является одной из причин нежелания или отсутствия потребности переходить границы языков и создавать гибридные формы. Речевые практики постсоветских мигрантов, сложившиеся под влиянием вышеописанных языковых идеологий, входят в противоречие с тем, что обычно лежит в основе транслингвальных практик, когда даже дефицит языковых ресурсов в каком-либо из языков не препятствует свободному перемещению говорящего между языками и

¹¹ Об официальном культе Пушкина и создании «ключевой культурной идеологемы Пушкин» прекрасно сказано в (Гусейнов, 2004).

культурами. Транслингвальность предполагает определенную внутреннюю свободу выражения без привычки к неупотреблению или даже подсознательному блокированию какой-либо части языкового репертуара говорящего, что является следствием габитуса — глубоко затаенных, неосознаваемых, «впечатанных» привычек, наследуемых из советского опыта жизни.

Конечно, бывает и наоборот: транслингвальность может быть движима и прямо противоположными мотивами: осознание (языкового) неравенства и протест против него побуждают человека к провокации, агрессии, созданию искусственных «языков», как это показано в известной в Германии книге Ф. Займоглы «Kanak Sprak», где личность «сконструирована в новом идиоме, способном “принюхать” нестабильные идентичности до достижения равенства» (Hürtauf, 2004: 18). При отсутствии таких протестных мотивов человек, особенно прошедший все уровни русскоязычной системы образования, автоматически репродуцирует усвоенные в молодом возрасте моноязычные паттерны «чистого» говорения на более престижном и более привычном языке, где он/она к тому же обладает наибольшей языковой компетенцией.

Контроль сознания, запрещающий делать ошибки, нормативное лингвистическое поведение связаны и с тем, что все высокообразованные мигранты выросли на классической русской литературе и впитали в себя ценности русской «стандартной языковой культуры». Таким образом, общий культурный уровень человека также не способствует нелитературному, ненормативному, провокационному обращению с языками.

В заключение необходимо отметить, что, ограниченные форматом статьи, мы рассмотрели только часть причин, обуславливающих языковые практики мигрантов из данного региона. Хотелось бы надеяться, что результаты данного исследования смогут внести вклад в дискуссию о транслингвальности, показывая, как языковые идеологии, являющиеся частью более крупных государственных идеологий, могут служить барьером транслингвальности.

Литература:

- Бертагаев Т. А.** К вопросу о взаимовлиянии языков (о монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимобогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969.
- Бурдые П.** Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1, № 2. С. 44–59.
- Голев Н. Д.** Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношения ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Голев Н. Д. (ред.). Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Теория и практика современной письменной речи: материалы конф. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2002. С.178–192.
- Гусейнов Г. Ч.** Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004.
- Гучинова Э.-Б.** Улица Kalmuck road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. С.-Петербург: Алетейя, 2004.
- Кирилина А. В.** Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московской международной академии. 2011. 2. С. 36–45.
- Прошина З. Г.** Транслингвизм и его прикладное значение. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. 14 (2). С. 155–170.
- Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л.** Феномен этнического самоопределения в социально-философском аспекте (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 20–36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02.
- Хилханова Э. В.** Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсивный и социолингвистический анализ (на примере языковой ситуации в этнической Бурятии). Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009.
- Хилханова Э. В.** Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019; 19 (4): 967–988. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>.

- Blackledge A., Creese A.** Translanguaging as Cultural and Cosmopolitan Competence. IALIC 2016 Keynote presentation. Book of Abstracts IALIC 2016 Barcelona. 2016. Barcelona, 25–27 November 2016. P. 2.
- Canagarajah S.** Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging // *Modern Language Journal*. 2011. 95. P. 401–417.
- Gal S., Woolard K.** Constructing Languages and Publics: Authority and Representation. *Pragmatics*. 1995. Vol. 5. Iss. 2. P. 129–138.
- García O.** Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the Local*. Edited by A. Mohanty Minati Panda, R. Phillipson, T. Skutnabb-Kangas. New Delhi: Orient Blackswan (former Orient Longman), 2009. P. 128–145.
- Gumperz J. J.** *Discourse strategies*. New York: Cambridge University Press, 1982.
- Halim N. S., Maros M.** The Functions of Code-switching in Facebook Interactions // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. 118. P. 126–133. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.02.017.
- Hüppauf B.** Globalization — Threats and Opportunities // Edited by A. Gardt, B. Hüppauf. *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. P. 3–25.
- Khilkhanova E.** Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in Western Europe from a translanguaging perspective // *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000.
- Kliuchnikova P.** *Linguistic Biographies & Communities of Language of Russian Speakers in Great Britain* [PhD Dissertation]. Durham: Durham University, 2016. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/11374>.
- Kroskrity P. V.** Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives. Edited by P. V. Kroskrity. *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 1–34.
- Lee J. W.** Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language. *Critical Inquiry in Language Studies*. (2014). Vol. 11. № 1. Pp. 50–74.
- MacSwan J.** A Multilingual Perspective on Translanguaging // *American Educational Research Journal*. 2017. 54 (1). P. 167–201. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>.
- Moustaoui Shrir A., Prego Vázquez G., Zas Varela L.** Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia // *Languages*. 2019. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>.
- Myers-Scotton C.** *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Myers-Scotton C.** *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
- Pennycook A.** Translingual English // Edited by F. Sharifian and M. Clyne. *Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue*. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 30.1–30.9.
- Pischlöger C.** Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Edited by R. Toivanen, J. Saarikivi. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Vol. 14. P. 108–132.
- Wei L.** Translanguaging as a Practical Theory of Language // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39. Issue 1, February. P. 9–30, <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>
- Woolard K.** We Don't Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona // Edited by R. K. Blot. *Language and Social Identity*. Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. P. 85–103.

Источники:

- Kalmyks in USA / Калмыки в США. Facebook group¹². URL: <https://www.facebook.com/groups/592230780861766>.
- sakhadiaspora.official. Instagram account. URL: <https://www.instagram.com/sakhadiaspora.official/>
- Sakha Diaspora community organization. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/search/top?q=sakha%20diaspora>
- Vstrechi v Evrope. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/234021900027332>
- Buryat House, USA. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/124380160944409>
- Buryat connection UK. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/131338459318>
- Tatars in USA. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/280824939305719>

¹² С 21 марта 2022 г. социальные сети Facebook и Instagram признаны в РФ частью экстремистской организации.

Хилханова Эржен Владимировна, доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН.
Пер. Большой Кисловский, д. 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Хилханов Доржи Львович, доктор социологических наук,
профессор кафедры философии и социальных наук.

**Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования г. Москвы
Московский городской педагогический университет.**
Проезд 2-й Сельскохозяйственный, д. 4, г. Москва, Россия, 129226.
E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2022 г.

E. V. Khilkhanova, D. L. Khilkhanov

LANGUAGE IDEOLOGIES IN SPEECH PRACTICES OF MULTILINGUAL POST-SOVIET MIGRANTS AS A BARRIER TO TRANSLANGUAGING

The main purpose of the article is to uncover and analyze language ideologies underpinning multilingual practices of non-Russian first-generation migrants from the former Soviet Union from a translanguaging perspective. The article uses data collected by the authors during a 3-month ethnographically-oriented field study in Western European countries (in-depth semi-structured interviews and participant observation) supplemented by sociolinguistic analysis of informal online communication. It was found that fluid, translanguaging practices are generally not characteristic for the majority of well-educated post-Soviet migrants, despite the presence of ethnic languages (L1), Russian (L2) and foreign languages (L3-n) in their linguistic repertoire. Instead, we observe predominantly Russian normative speech, lack of desire to cross language boundaries and create hybrid linguistic forms, at least between L1 and L2. The authors see the reasons for this in the Soviet language policy, which products the immigrants from the USSR are “exporting” the relationship between Russian and ethnic languages formed in their home country. The article examines some of the language ideologies and habits that serve as a barrier to translanguaging, namely the ideology of language purism and (Russian) monolingualism, as well as adherence to the “standard language culture”. The level of education is also associated with “pure” speaking in Russian — the more prestigious and more familiar language in which the respondents have the greatest linguistic competence. In general, the authors come to the conclusion that the speech behavior of this polyethnic and multilingual group of migrants described in the article is a consequence of a habitus — deeply hidden, unconscious, “imprinted” linguistic and cultural habits inherited from the Soviet experience and reproduced in life practices abroad.

Keywords: *translanguaging, code switching, language ideologies, multilingual post-Soviet migrants, linguistic purism, monolingual ideology, standard language culture.*

References:

- Bertagayev T. A.** K voprosu o vzaimovlijanii jazykov (o mongolizmah i dvujazychii) [About the Mutual Influence of Languages (on Mongolisms and Bilingualism)] // *Vzaimodejstvie i vzaimobogashhenie jazykov narodov SSSR* [Interaction and Mutual Enrichment of the Languages of the Peoples of the USSR]. Moscow: Nauka, 1969. P. 121–125.
- Blackledge A., Creese A.** Translanguaging as Cultural and Cosmopolitan Competence. IALIC 2016 Keynote presentation // *Book of Abstracts IALIC 2016 Barcelona* (Barcelona, 25–27 November 2016). P. 2.
- Bourdieu P.** Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 1998. Vol. 1, № 2. P. 44–59.

- Canagarajah S.** Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging // *Modern Language Journal*. 2011. # 95. P. 401–417.
- Gal S., Woolard, K.** Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // *Pragmatics*. 1995. Vol. 5, Iss. 2. P. 129–138.
- García O.** Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the Local*. Edited by A. Mohanty Minati Panda, R. Phillipson, T. Skutnabb-Kangas. New Delhi: Orient Blackswan (former Orient Longman), 2009. P. 128–145.
- Golev N. D.** Sovremennaja mental'no-jazykovaja situacija v aspekte vzaimootnoshenija ee lingvisticheskogo i lingvodidakticheskogo aspektov [The Modern Mental and Linguistic Situation in the Aspect of the Relationship Between its Linguistic and Linguodidactic Aspects] // Golev N. D. (ed). *Estestvennaja pis'mennaja russkaja rech': issledovatel'skij i obrazovatel'nyj aspekty* [Natural Written Russian speech: Research and Educational Aspects]. Part. 2: Teorija i praktika sovremennoj pis'mennoj rechi: materialy konf. [Theory and Practice of Modern Written Speech: Conference Proceedings]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. universiteta, 2003. P. 178–192.
- Guchinova E.-B.** Ulitsa Kalmuck road. Istorija, kul'tura i identichnosti kalmuckoj obsh'iny SShA [The Street Kalmyck road. History, Culture and Identities in the Kalmyk Community of the USA]. St.-Petersburg: Aleteiya, 2004.
- Gumperz J. J.** *Discourse strategies*. New York: Cambridge University Press, 1982.
- Gusejnov G. Ch.** Sovetskie ideologemija v ruskom diskurse 1990-kh [Soviet ideologems in the Russian Discourse of the 1990s]. M.: Tri kvadrata, 2004.
- Halim N. S., Maros M.** The Functions of Code-switching in Facebook Interactions // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. # 118. P. 126–133. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.02.017
- Hüppauf B.** Globalization — Threats and Opportunities // Edited by A. Gardt, B. Hüppauf. *Globalization and the future of German*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 3–25.
- Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L.** The Phenomenon of Ethnic Self-determination in the Socio-philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe) // *MCU Journal of Philosophical Sciences*. 2021. 4 (40). P. 20–36. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.02>
- Khilkhanova E. V.** *Factory yazykovogo sdviga i sokhraneniya minoritarnykh yazykov: diskursnyy i sotsiolingvisticheskiy analiz (na primere yazykovoy situatsii v etnicheskoy Buryatii)* [Factors of Language Shift and Minority Languages Maintenance: Discourse and Sociolinguistic Analysis (on the Example of Language Situation in Ethnic Buryatia)]. Habil. thesis. Barnaul: Altaj State University, 2009.
- Khilkhanova E. V.** The Internet and Minority Languages of Russia: Symbolic Presence or a Revitalization Tool? (a Case Study of the Buryat Language). *Mongolian Studies*. 2019; 11 (4): 967–988. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988>.
- Khilkhanova E.** Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in Western Europe from a translanguaging perspective // *Balcania et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000.
- Kirilina A. V.** Kontakt jazykov v nemeckom jazykovom prostranstve [Language Contacts in the German Language Space] // *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy]. 2011. 2. P. 36–45.
- Kliuchnikova P.** *Linguistic Biographies & Communities of Language of Russian Speakers in Great Britain* [PhD Dissertation]. Durham: Durham University, 2016. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/11374>.
- Kroskrity P. V.** Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives // Edited by P. V. Kroskrity. *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press. 2000. P. 1–34.
- Lee J. W.** Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language // *Critical Inquiry in Language Studies*. 2014. Vol. 11. № 1. P. 50–74.
- MacSwan J.** A Multilingual Perspective on Translanguaging // *American Educational Research Journal*. 2017. 54 (1). P. 167–201. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>.
- Moustaoui Shrir A., Prego Vázquez, G., Zas Varela, L.** Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia // *Languages*. 2019. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>.
- Myers-Scotton C.** *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Pennycook A.** Translingual English // Edited by F. Sharifian and M. Clyne. *Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue*. 2008. Vol. 32, No. 3. P. 30.1–30.9.
- Pischlöger C.** Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Edited by R. Toivanen, J. Saarikivi. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Vol. 14. P. 108–132.

- Proshina Z. G.** Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its Application] // RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. 14(2). P. 155–170
- Wei L.** Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics. 2018. Vol. 39, Issue 1, February. P. 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>.
- Woolard K.** We Don't Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona // Edited by R. K. Blot. Language and Social Identity. Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. P. 85–103.

Sources:

- Kalmyks in USA / Калмыки в США. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/592230780861766>.
sakhadiaspora.official. Instagram account. URL: <https://www.instagram.com/sakhadiaspora.official/>
Sakha Diaspora community organization. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/search/top?q=sakha%20diaspora>
Vstrechi v Evrope. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/234021900027332>
Buryat House, USA. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/124380160944409>
Buryat connection UK. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/131338459318>
Tatars in USA. Facebook group. URL: <https://www.facebook.com/groups/280824939305719>

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna, doctor of science (philology), associate professor, leading research fellow.

RAS, Institute of Linguistics.

1 Bolshoi Kislovskij lane, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Khilkhanov Dorzhi Lvovich, doctor of science (sociology), professor of the department of philosophy and social sciences.

Moscow City University.

4 Second Agricultural passage, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru